

ПОЧЕМУ НЕ С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ?

Если говорить
начистоту...

ВСЯКОМУ, имеющему дело с письмами трудящихся, знакомо такое ощущение: вдруг становится досадно и мерзко, что именно ты открыл этот конверт, что именно твои руки коснулись этих листков, никем не подписанных. Тотчас представляется автор анонимки, который жадно цепляется за любую сплетню, вынюхивает, сопоставляет невзначай брошенные слова, взгляды, факты и фактики. Нужды нет, что иной раз оплошал человек достойный, что промах совершен по неведению или доверчивости, что вообще все эти «факты», вместе взятые, выеденного яйца не стоят. Ведь цель его отнюдь не в том, чтобы исправить недостатки, вовремя предупредить от возможной ошибки, великодушно понять истинные побудительные мотивы того или иного поступка. Если бы дело было в этом, то чего проще честно, с открытым забралом высказать свое мнение. Анонимщик думает о другом. Злобный ханжа, он стремится наплевать в душу, выбить из колен, забрызгать грязью. Сколько затевается по его «сигналам» пустопорожних проверок. И разве так уж редки случаи, когда человеку приходится тратить уйму драгоценного времени, душевной энергии и средств только на то, чтобы доказать пол-

нейшую абсурдность возведенных на него поклепов?

Слова Достоевского о том, что всякий анонимный извет достоин презрения уже потому, что он не подписан, вполне определяют наше отношение к такого рода эпистолярным.

Казалось бы, все ясно: в советском обществе, где каждому гражданину гарантировано право высказываться прямо и открыто, не может быть места злостным анонимкам, кляузным звонкам из будок телефонов-автоматов. А если подобные явления еще встречаются, они достойны самого решительного осуждения.

НО ВОТ случай из жизни.

Письмо в редакцию. Под четырьмя страницами убористого машинописного текста значилось: «С товарищеским приветом — группа работников Сталинградского театра музыкальной комедии».

Коллективная анонимка! Такую встретишь не каждый день. И говорилось в ней о событиях по крайней мере диковинных. Но что самое поразительное: в анонимке все было чистойшей правдой.

Без преувеличения описывалось начало деятельности бывшего главного режиссера Сталинградского театра музыкальной комедии А. Асанина, рассказывалось, как с первых же дней он стремился охлестать всю предшествующую деятельность коллектива, как безжалостно и решительно изгонял из театра неугодных ему работников.

Местная печать справедливо критиковала неудачный подбор и плохое качество репертуара Сталинградского театра музыкальной комедии. Но это не трогало Асанина: по его словам, критикующие не обладали высокой театральной культурой для того, чтобы судить о его творчестве.

И, наконец, скоростной запуск опереточных «звезд». Публике была предоставлена возможность полюбоваться взлетами артистки Шитовой. Правда, она не обладала сколько-нибудь заметным голосом и слухом, зато являлась законной супругой главного режиссера.

Короче, Асанин делал все, что хотел, не считаясь с мнением товарищей, подавляя малейшие критические замечания в свой адрес.

Что, казалось бы, должен предпринять коллектив в подобных условиях? Мужественно выступить против самодура, разваливающего театр, против тех, кто его поддерживает! Выступить открыто и гневно — на собраниях и в печа-

ти. Однако дальше анонимного письма дело не пошло.

Повторяем, факты асанинских «художеств» излагались правдиво, выводы делались здравые и принципиальные. А письмо тем не менее осталось никем не подписанным. Где причины? Надо полагать, что сталинградским авторам известно, какой неприятный привкус имеет всякая анонимка. Что же заставило их воспользоваться в своем справедливом деле малопочтенным приемом клеветников?

На этот счет в письме говорится:

— У вас, товарищи, явится вопрос: почему это письмо без подписи? Прямо скажем, боимся!

Не приходится доказывать, как в наши дни выросла сила общественного воздействия. И вдруг группа работников — не один человек, а группа, коллектив! — испугалась открыто заявить на страницах газеты о беспорядках в своем театре. Боялись, видите ли, мести Асанина...

НЕТ, МЫ не станем «входить в положение», оправдывать авторов сталинградской анонимки. Их письмо — трусливая попытка обезопасить себя, и только. Если бы авторы письма преследовали иные цели, они выступили бы с открытым забралом.

Не секрет, что недостатки цепко держатся там, где им не дают открытого боя. В Сталинградском театре бой не состоялся. Все видели безобразия и — молчали. Главреж поодиночке расправлялся с неугодными критиками, поверженным выражали сочувствие и даже — шепотом! — возмущение, и на этом поднимали руки. Театр сдавал позиции, а его деятели только выжидали, когда кто-то со стороны явится и наведет в их среде порядок.

Позиция, прямо скажем, жалкая, вызывающая тревогу, обнаруживающая не только отсутствие гражданского мужества, но и — что самое главное — слабость идейной закалки ее сторонников.

А. Асанин был освобожден от работы в Сталинградском театре музыкальной комедии. Правда, как всегда у нас, восторжествовала. И мы рассказываем эту историю не для того, чтобы причинить Асанину новые неприятности — за один грех дважды не судят. Мы хотим, чтобы из описанных нами событий был извлечен поучительный урок для всех.

В наши дни каждый клуб, библиотека, издательство, а тем более театр — это уже не просто учреждение культуры. Это участок культурного фронта, передовая линия в великой борьбе за торжество самой передовой, коммунистической идеологии.

Сегодня молча терпеть безобразия или, как случилось с авторами сталинградской анонимки, прятаться в кусты, стыдно.

Н. МАРКОВСКИЙ,
И. ШВЕДОВ.